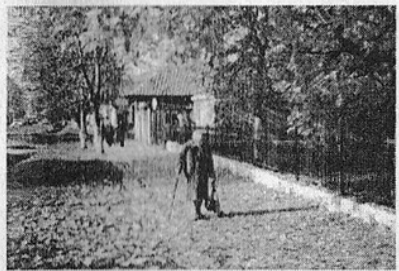

Творчество

Елена АКШЕВСКАЯ

ЯНВАРЬ СКУПЫМ БЫЛ НА СНЕГА
 Январь скупым был на снега,
 Не часто баловал морозом,
 И почерневшие стога
 В полях стоят неммым вопросом.
 Да, полно, разве то зима?
 С тоской щемящей дуют ветры,
 А где метелей кутерьма,
 Атласов белых километры?
 Где снег, искрящийся в лучах,
 Пар изо рта и щек румянец,
 И песни вьюги по ночам,
 Озер замерзших твердый глянecь.
 Два месяца мы зиму ждем,
 Она, как перед ЗАГСом, медлит,
 Уж скоро мартовским дождем
 Услышим и капелей лепет!

“Осень в городе”.
 Фотохуд Дениса КЛОПОВА.

Ольга БУЛАНОВА

БУРЯ
 За окошком разгулялась буря
 Этим зимним вечерком.
 Изменилось что-то в моей жизни,
 Сердцу стало нипочём.
 Отчего так мирно и спокойно
 Или время повернуло вспять?
 Видно родственницей буря стала,
 Для души, привыкшей бунтовать.
 Пусть она ревёт, бушует,
 Навевает дрему и покой,
 Сном младенца я усну, как
 прежде,
 Под свирепый этой бури вой.

Владимир ВИНОГРАДСКИЙ

МОРОЗНОЕ УТРО
 Утро морозное, дело серьёзное,
 И не до шуток уже.
 Холодно в небе, оно очень
 звёздное,
 Холодно и на душе.
 Но вот заря заалелась
 рассветная,
 Солнышко стало вставать,
 И пригревает уж утро приветное,
 И на душе благодать.

Алексей КРАЕВОЙ

Нас долго гнали в пустоту,
 Поручив храмы и кресты.
 Тупик! Кошмар! Невмоготу!
 Прости их Господи, прости.

Владимир КУХАРИШИН

МЛАДШЕЙ ДОЧКЕ
 Мой милый человек,
 Доверчивый комочек.
 Мой скачущий кузнечик,
 Немолкнущий звоночек.

Такой смешной спросонok,
 Такой серьёзный с книжкой.
 Мой ласковый котёнок,
 Мой неуклюжий мишка.

Мой неотрывный хвостик,
 Мой лучик средь ненастья.
 Мой запредельный мостик
 В страну с названием Счастье.

Любовь ЛАБУТИНА

Ничто не вечно под луной,
 На смену дням приходят ночи,
 Зима сменяется весной,
 День удлинился, звонче звуки.

А жизнь, как чудное мгновенье –
 Порыв! В руках не удержать!
 Метель... А вот уже цветенье
 И лета женственная стать...

Давай нальем в стакан вина
 И выпьем смело за здоровье!
 За мир, что виден из окна,
 За жизнь с горчинкой и любовью.

Мария МУХИНА

Разболелась сердечная рана,
 Будто кто-то ее растревожил,
 Просто я вчера ночью достала
 Фотографий заточенный ножик.
 Я себя ими так искромсала,
 Что от сна не осталось и строчки.
 Наших лиц одиноких усталость
 Разорвала мне душу на клочья.

Галина ОРЕХОВА

А колодец чист, как и всегда,
 Дышит чудодейственной
 прохладой.
 Каждый год приходим мы сюда.
 Каждый год нам здесь сердечно
 рады.

Татьяна ПОЖИЛЕНКОВА

Меня не трогает общественное,
 О себе пишу как о мире целом.
 Духовное важнее вещественного?
 Смотря под каким прицелом!

Татьяна САМУСЕНКО

СТИРКА
 Мне со стиркой не везет.
 Постираю, дождь пойдет.
 Непогода в сентябре –
 Норма, осень на дворе.

Хорошо бы магом быть,
 Чтоб погоду изменить.
 Я руками повожу,
 Небу пару слов скажу.

Солнца луч вдруг засиял,
 Дождь подумал – перестал.
 Вот теперь пора спешить,
 Чтобы всё мне досудить.

Людмила СТАРОДУБЕЦ

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ
 Осень лист роняет, звёзды
 словно слёзы.
 Устилает землю ковром у берёзы.
 Клён полураздетый плачет на
 ветру...

Я букет из листьев жёлтых
 соберу.
 На столе листочки я сложу узор,
 Он такой красивый впишется в
 декор.

Буду любоваться грустной порой,
 Бабочкой порхающей осени...
 зимой.

Худ. Виталий ДАНИЛЬЧУК.
 “Ольга”.

Надежда ЩИПАКИНА

Я стою у родника,
 Думку думаю большую:
 То ль иду я, то ль скольжу я –
 Не могу понять никак.

Серебристой водой
 Мысли начисто отмою,
 Вышью нитью золотую
 То, что кажется судьбой.

Буду ждать других времён,
 Ожиданием изноу,
 К роднику припав из зноя
 Одиночества вдвоём.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Правильно говорят, что физическая нагрузка снимает стресс. Пока я шла, почти бежала, до озера – успокоилась. Слёзы высохли, ком в горле растворился, остался лишь распухший нос да красные глаза. Я сидела на лавочке, где мы в конфетно-букетный период нашей жизни любили сидеть вдвоём. Почему проходит любовь? Что это такое – любовь? Страсть? Нежность? Желание оберегать, заботиться, превозносить или безумно ревновать, взять в плен, сделать частной собственностью? Проводил ли кто-нибудь исследования по данному вопросу – сколько и чего должно содержаться в любви? Какой процент нежности, жертвенности, обожания? Наверное, не бывает двух одинаковых Любостей, как нет двух одинаковых людей. Но что-то общее должно быть? Думаю, что любовь эгоистична, она не прощает малейшего пренебрежения к себе. В шалаше, конечно, рай, но и в раю нужно устраивать быт – делать ремонт, добывать пропитание и многое другое, а это суета. Любовь не выносит суеты, это чувство трепетное, возвышенное, его нельзя надолго оставлять без внимания. Любовь обижается и уходит, а вместо нее появляется что-то другое (свято место пусто не бывает). Что же такое пришло к нам, почему мы с мужем последнее время вспыхиваем, как порох, при возникновении малейших проблем, и боюсь, скоро предпочтём обществу друг друга одиночество.

Я попыталась припомнить, с чего началась сегодняшняя ссора, и не смогла. Это было глупо и оттого ещё более обидно. Слёзы тут же услужливо подступили к глазам. Надо отвлечься, хватит жалеть себя. Я стала смотреть на озеро. Бесконечное плавное течение воды всегда успокаивало меня. Спокойствие, уверенность – вероятно, этого не хватает мне в жизни. Озеро выглядело удовлетворённым, дышало плавно и ритмично. Три лодки у маленького деревянного причала слегка покачивались в такт этому дыханию. Берег вокруг был очищен от кустов и высокой травы. К воде вела узкая дорожка, для удобства выполненная в виде ступенек.

По этим импровизированным ступенькам к причалу спускалась интересная пара. Он и она. Даже издали было видно, что они достигли очень почтенного возраста. «Старые старики», – так говорит моя дочь. Старушка, маленькая и сгорбленная, держала в левой руке сумку-ридикюль, достающую почти до земли. Старик высокий, сухощавый, в серых брюках и светлой футболке, в левой руке он нес два весла, связанных друг с другом бечёвкой.

Ему было тяжело, он наклонился в сторону ноши, но тем не менее первым спускался на ступеньку и подавал руку старушке, придерживая её. Они прошли почти рядом со мной. Мне хорошо было видно, с какой заботой следит он за её спуском и каким ласковым взглядом отвечает она ему. Снова стало обидно за себя: «Старые, чуть живые, а погляди ты – Ромео и Джульетта».

Я с интересом стала наблюдать за их прогулкой. Хотя скорее это было преодоление, а не прогулка. Спуск давался с трудом, ступени были слишком высокими, весла тяжёлыми. «Как же они в лодку сядут», – подумала я, – мог бы и дежурный лодочной станции помочь. Ну да сейчас никому ни до кого нет дела». Тем временем старики спустились к причалу. Мужчина открыл замок, подтянул лодку и при-

держивая её, помог сесть своей спутнице. Она устроилась на лавочке, приставив рядом сумку. Затем они вместе вставили весла в проушины, и старик шагнул в лодку – одной ногой, другая же зацепилась за край лодки и

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Рассказ

не поднималась выше. Ухватившись руками за борт, он предпринимал всё новые попытки поставить вторую ногу в лодку. Лодка накренилась. Старушка попыталась помочь ему, но ситуация только ухудшилась. «Сейчас перевернется!» – я мигом преодолела спуск, подскочила к лодке и, не думая, что могу сделать старику больно, согнула его ногу в колене и перенесла через борт.

– Большое спасибо, – сказал старик, усаживаясь напротив старушки. – Пять лет назад это у меня получилось значительно лучше, – он улыбнулся, демонстрируя белые и ровные зубы, невыгодно оттеняющие бледную кожу лица, усыпанную старческими коричневыми пятнышками. Я обрадовалась, что с ногой у него всё в порядке, что второпях я её не повредила.

– Вы не могли бы придержать лодку, пока мы устроимся. – Старушка открыла сумку.

– Вам опасно кататься одним! Вы можете утонуть! – не выдержала я. – Сашенька, как ты? – суетилась старушка, заглядывая в лицо старику и надевая ему на голову белую шляпу, добытую из сумочки.

– Всё хорошо, Лизонька, не волнуйся. – Шляпа заняла положенное место, прикрыв лысину и венчик пушистых волос, окаймляющих её.

– Давайте я помогу вам сойти на берег, – погромче сказала я, подумав, что они плохо слышат, – лодка может перевернуться. Вы что, не боитесь утонуть?

“У озера”.
 Фотохуд Леонида ГОРБАЧЕВА.

Старушка приподняла слегка подкрашенные полосочки бровей и засмеялась, блеснув такими же белыми, как у старика, зубами.

– Милая! Мы уже ничего не боимся, а прокатиться на лодке именно сегодня для нас очень важно. Даже жизненно необходимо, – она поставила сумку на место.

– Почему? – мне нравились эти старики, нравилось то, как они заботились друг о друге, как искренно смеялись, как сейчас, вместе, в четыре руки пытались открыть крышку термоса.

– Вам интересно? Хотите, расскажу. Старики любят рассказывать о себе, – она налила из наконец-то открытого термоса в пластиковый стаканчик напиток. Запахло мятой.

– Пей. Как ты любишь – шиповник, мята и боярышник, – сказала она, осторожно вручив старику стакан с отваром.

– Каждый пять лет мы приходим сюда, чтобы вспомнить нашу молодость, нашу первую встречу. Это было перед войной. Мне было восемнадцать. Сашеньке – двадцать лет, – она погладила крупную артритную руку старика, а он тут же легонько пожал её сухонькую сморщенную лапку. Там, где вы сидели на лавочке, раньше была круглая оседка, а чуть выше танцплощадка в виде изогнутой чаши, всё деревянное, простое, но красивое. Все строения в парке служили людям долго – покрасят, полакируют, и опять как новое. Раньше так не ломали, не рушили всё вокруг, – отвлеклась она. – Так вот там, в этой беседке, мы впервые в любви друг другу признались, потом долго на лодке катались, планы на жизнь строили. Через месяц, в июне, поженились. Комнатку нам дали в общежитии десять метров. Счастливы были! А тут – война. Сашеньку сразу же на фронт забрали, в сорок пятом он получил тяжёлое ранение и шесть месяцев был в госпитале. Снова встретились только через пять лет и решили, что каждые пять лет будем приходить сюда и кататься на лодке. Вспоминать, – добавила она.

– Вот и приходим, – подтвердил старик, он уже выпил свой отвар и протягивал стаканчик жене. – Ты будешь, Лизонька?

– Традиции – это хорошо, ну почему же вам не помогут дети? Помогли бы сесть в лодку, выйти из неё, или вместе покатались бы? – я беспокоилась о стариках.

– Нет детей, – старушка вздохнула, – в сорок первом нас всех в ополчение забрали, окопы рыть. Я беременная уже была. Работа тяжёлая – выкидыш случился, потом воспаление, простудила я там всё по женской части. Детей больше не было. Да вы не волнуйтесь! Мы договорились, что приплывём к главному причалу, там нас встретит лодочник и высадит, – старушка снова улыбнулась и, как мне показала, озорно подмигнула. Мы сплавом в молодость и вернёмся обратно... если захотим, – тихонько добавила она. Или это мне показалось?

Я подтолкнула лодку, она качнулась и плавно двинулась к середине озера. Старики замерли в одинаковых позах – лицом к лицу, рука в руке. Опущенные в воду весла составляли за собой узкие неглубокие бороздки, постепенно сходящиеся в одну едва заметную, исчезающую линию. Линию их жизни.

Я вздохнула и пошла домой. Всю дорогу мысли о стариках не оставляли меня. Я завидовала им. Смешно? Грустно. Или – молодая здоровая женщина, у которой есть всё – дети, муж, квартира, работа – завидовала больным немощным старикам. Почему столько лет живёт их любовь? А то, что она жива, видно невооружённым глазом. Как смогли они сохранить её? Чем кормили, как улаживали и лелеяли эту капризную? Или у них она не капризна, не эгоистична? Или – «какие сами – такие сани», и дело не в ней, а в нас?

Я ускорила шаг. Приду, расскажу эту историю мужу. Я скажу, что люблю его, что всё ещё можно исправить. Скажу, что я тоже хочу через много лет сесть с ним в лодку и уплыть в нашу молодость. Я скажу ему, я скажу...

У моста озеро становилось уже, течение ускорялось, и вода, сбегая с невысокой плотины, журчала весело и насмешливо:

– Ну, скаж-ж-и ему, ну, скаж-ж-и...

Вышедший из печати в конце прошлого года альманах с уже знакомым названием «Дети славянского поля» дал повод для многих положительных эмоций. После трагической кончины его бессменного редактора А. Караваева нашлись руки, подхватившие это детское праздничное «Зыбковское криница» (ныне другого райцентра) и, надеемся, понесут дальше. Редактором выпуска стал краевед и литератор из п. Климово, председатель межрайонного творческого объединения Н. Смолянкин.

Открывается альманах традиционными рубриками «Проза» и «Поэзия». Рассказы, эссе, мемуары дают широкую палитру творческих предпочтений наших литераторов. Не забыты и авторы прошлых лет, ныне уже ушедшие из

ДЕТИ СЛАВЯНСКОГО ПОЛЯ

жизни (рубрика «Поле памяти»).

В краеведческих материалах выпуска помимо местных историков: присутствуют и иногородние авторы.

В целом же такое жанровое разнообразие публикаций, делает альманах привлекательным не только для специалистов, но и для самых широких слоёв читательского контингента. Самое главное, что печатный орган, объединяющий широкие круги творческих направлений на юго-западе Брянщины продолжает издаваться и знакомить всех жителей славянского пограничья с наиболее значимыми произведениями литературы и искусства, историческими исследованиями различных направлений.

К. ПОПОВ.